

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

Идейно-политические концепции
в российской истории

ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Аннотация

В статье ставится вопрос о духовной составляющей революционной ситуации, породившей Октябрь 1917 г., акцентируется внимание на социально-философской интерпретации идеи революции. Автор показывает, что последняя выдвигает на первый план анализа феномен революции в качестве «точки бифуркации» исторического процесса, ставящей человека в ситуацию *выбора* одного из предлагаемых историей направлений общественного развития. В рамках такого подхода анализ революционной ситуации предполагает ее соотнесение с культурно-духовным контекстом эпохи (особенностями национального самосознания, образовательным уровнем масс, преобладающими в обществе мировоззренческими идеями т.д.). В этой связи автор обращается к отечественной философии истории второй половины XIX – начала XX вв, показывая, в каком теоретическом контексте ею рассматривались вопросы о свободе, насилии, революционной ломке, реформах, волюнтаризме, революционном терроре. В статье акцентируется сопряженность толкования этих вопросов с политической направленностью октябрьского восстания и с последовавшими за ним преобразованиями в системе власти и социально-экономической структуре российского общества. Отдельно автор ставит вопрос, в какой мере культурно-духовный и политический опыт российского демократического движения повлиял на характер и способы революционных преобразований. Автор обосновывает тезис, что последние адекватно «ложатся» только на подготовленное к ним сознание масс и претендующей на политическое руководство оппозиции; автор анализирует ситуацию, свидетельствующую, что к началу XX в. очевидным стал факт полярности существовавших точек зрения на социальный смысл ожидаемой революции и раскола демократического движения.

Ключевые слова: исторический процесс, культура, революция, свобода, насилие, российское демократическое движение, либерализм, большевизм, народные массы, интеллигенция, революционная ситуация, волюнтаризм, революционный террор, «Октябрь 1917».

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

sizemskaya@mail.ru

Цитирование: СИЗЕМСКАЯ И.Н. (2017) Идея революции в отечественной философской мысли конца XIX–начала XX вв. // Философские науки. 2017. № 8. С. 7–18.

Каждый народ делает революцию с тем
духовным багажом, который накопил в своем прошлом.

Н.А. Бердяев

Очевидный рост общественного интереса к теме «Октябрь 1917» в последние годы инициирован многими факторами и в целом объясним. Другой вопрос — какой исследовательский ракурс (исторический, культурологический, политологический, философский) выбирается для анализа данного исторического материала. Отечественная литература последних лет свидетельствует, что ракурсы выбираются самые разные, но каждый из них прежде всего обязательно фиксирует теоретическую значимость *концепта революции* в структуре современного социального знания. Ниже предлагается рассмотреть тему «Октябрь 1917» в контексте интерпретаций *идеи революции* в отечественной философской мысли второй половины XIX — начала XX в. Этот контекст не менее политических реалий времени повлиял на *стиль* будущих революционных преобразований в стране, во многом объясняя те их особенности, над которыми мы продолжаем задумываться и сегодня.

Октябрь 1917 г. — знаковое событие отечественной истории

Почему сегодня так актуализирована тема Октября 1917 г.? В связи с «установкой» общественно-исторической памяти вспоминать значимые для страны события в их юбилейные дни? Видимо, не только. В противном случае эта тема не стала бы широко обсуждаться специалистами разного профиля — философами, юристами, политологами, историками, искусствоведами, не привлекла бы такого огромного внимания со стороны СМИ, телевидения, кинематографа, блогосферы, не возбудила бы столь живого интереса молодежи к далекому для нее прошлому. Причина общего интереса к Октябрьской революции, скорее всего, связана с неустрашимым желанием каждого поколения понять настоящее и найти адекватные ему формы социального поведения, обратившись к событиям прошлого. «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий», — говорил В.О. Ключевский [Новикова, Сиземская 2006, 413]. В исторической памяти сохраняются события, несущие в себе «формулу» единения (или разрыва) Прошлого и Настоящего, они воспринимаются человеком как *знаковые*. Октябрь 1917 г., несомненно, является таким событием, хотя остается до сих пор со многими «неизвестными», что, в свою очередь, рождает еще больший интерес к нему.

Сегодняшний каскад «цветных революций», «арабская весна на Востоке», война в Сирии, нарушение стабильности в Европе, рост религиозного экстремизма, угрозы терроризма, вселяя опасения за будущее, рождают исторические параллели. Обращаясь к осмыслению октябрьской революции и связанных с ней социальных изменений, происшедших в стране и мире, мы надеемся найти ответы на тревожные проблемы дня. Исторические события (и значимые, и менее значимые), уходя со сцены истории, напоминают о себе, «прорастая» сквозь толщу десятилетий и веков в новых государственных, политических, гражданских, экономических, культурных структурах. Никакая революция, несмотря на сопровождающие ее разрывы исторического времени, не прерывает общего эволюционного движения страны и ее связей с собственной и всемирной историей. «Многое старое, давно знакомое часто проявляется в новом», — с *тревогой* замечал Н.А. Бердяев. Почему с *тревогой*? — Потому, что эта связь, выражая генетическое свойство истории, с одной стороны, несет в себе гарантию необходимой для жизни социума преемственности и стабильности, с другой стороны, неизбежно ставит человека перед необходимостью выбора нового вектора общественного развития и его регулятивных механизмов (политических, экономических, социально-культурных). А выбор может основываться как на верной, так и на ошибочной интерпретации исторической альтернативы, на ложно понятой цели и волюнтаристских способах ее достижения, на неадекватной оценке социальных реалий. Выбор осуществляет человек, и тут он, как писал А.И. Герцен, разом и лодка, и волна, и кормчий, хотя бы карта была! (Как показал исторический опыт, и наличие карты чаще всего не облегчает ситуацию, ведь, карта может быть проложена по ложному курсу.) Выбор всегда затруднен и потому, что история, «стучась разом в тысячу ворот, не зная которые откроются», постоянно *импровизирует*. Она «подкидывает» человеку различные, порой рожденные «нечаянностью», *варианты*, как бы предупреждая, что у нее самой не заготовлено заранее никакого либретто [Сиземская 2013]. К сожалению, мы часто «закрываем глаза» на эту особенность детерминации нового старым и на тревожные «знаки» последнего в формах новой жизни и духе новой власти. Юбилейные дни исторически значимых событий, еще раз открывая завесу над прошлым, позволяют увидеть эти «знаки» и скорректировать их оценку на уровне философской рефлексии, а если удастся, то и в социальной практике.

До последнего времени интерес к октябрьской революции со стороны отечественных исследователей преимущественно оставался в проблемном поле, ограниченном, с одной стороны, марксистской формационной интерпретацией ее в качестве «локомотива истории», сокрушившего на своем пути основы «старого мира», с другой стороны, переосмыслением понятия «революция». И в том, и в другом

случае проблема рассматривается в связи с политическими событиями конца XIX — начала XX вв. и теми последствиями Октября, которые заставляют задуматься о его исторической целесообразности. Социально-политический опыт последнего столетия еще раз высветил ту истину, что история, как и жизнь отдельного человека, не терпит насилия над собой и беспощадно мстит за него следующим поколениям, отбрасывая их назад, оставляя «один на один» не только с руинами прошлого, но и с поверженными идеалами будущего.

Возникает вопрос: соотносимы ли названные исследовательские позиции в оценке революции или их разделяет несовместимость методологических оснований? Может, термин «или» в данной познавательной ситуации просто неуместен? Здесь можно вспомнить, что проблема использования различных подходов к анализу именно феномена революции не только обсуждалась в отечественной общественно-философской мысли, но и нашла блестящее решение в историософских построениях одного из самых авторитетных и вдумчивых ее представителей — А.И. Герцен с одинаковым успехом одновременно использовал разные методологические основания для анализа революции, обращаясь к последней и как к идее, и как к историческому событию. («С того берега», «Роберт Оуэн», «Концы и начала», «К старому товарищу».) Исследовательским пафосом его теоретических изысканий была убежденность в том, что исторический процесс представляет собой *открытую саморазвивающуюся систему*, а потому «сосуществование» разных исследовательских посылок в одном проблемном поле лишь отражает онтологию реальных противоречий (Крот истории роет во всех направлениях!). Это был ответ Герцена духовному деспотизму в одной из самых его жестоких и живучих форм — форме *догматизма*, ущербность которого он видел в односторонности дихотомии «или — или». Принятие разных исследовательских позиций было для него выражением того «антидоктринерства», на котором выросла его «историческая эмбриология», не признававшая никаких абсолютов. Ее интенцией стал *интеллектуальный скептицизм*, позволивший Герцену сделать вывод о социальном смысле *любой революции*: она должна быть не только «мечом рубящим», но и «силой охранительной», способной спасти в ломке старого все, что накоплено человеческой культурой и потому достойно спасения. Только при этом условии революция обретает позитивный смысл в качестве способа ускорения назревших и ожидаемых модернизационных изменений в жизни общества, и остается *революцией в своем, а не в привносимом политическими целями, смысле*.

Наверное, и сегодня преодоление позиции «или» в интерпретации цивилизационного смысла Октября 1917 г. и как конкретного события, и как протяженного во времени процесса, продолжающего оказывать влияние на жизнь страны и мирового сообщества, настоятельно

и приемлемо. Подчеркну, что речь идет не о построении некой «универсальной теории революции», от чего справедливо предостерегает Б. Капустин, а о возможности и целесообразности «совмещения» в рамках социальной философии описаний феномена революции разными методами и о гносеологической пагубности конфронтации стоящих за ними эвристических возможностей. В своей «совокупности» эти описания фиксируют главное: «...некие общие условия, благодаря которым происходят события, именуемые революциями. Эти условия не предопределяют то, *что и как* в революциях происходит. Но они устанавливают их практическую возможность и соответственно их *теоретическую* мыслимость» [Вартумян, Ильинская, Федорова (ред.) 2015, 8]. Конечно, как замечает Л. Бляхер, при этом остается опасность превращения концепта «революция» в «предельно размытый смысловой комплекс», в «не вполне ясную метафору» [Бляхер, Межуев, Павлов 2008, 5]. Но, тем не менее, представляется, что использование в анализе разных познавательных средств (подходов, ракурсов, ценностных смыслов, категориального аппарата) включает обсуждение темы в *востребованный* сегодняшним социальным знанием контекст. Последний «разворачивает» *описание* революции к сфере ее *реального бытия* – историческому процессу, осуществляющемуся по вектору от Прошлого к Настоящему, в котором революции определено ее место.

Духовная составляющая революционной ситуации Октябрьской революции

Марксистская методология анализа Октябрьской революции исходит, как известно, из ленинского определения революционной ситуации, данного им в 1915 г. в работе «Крах II Интернационала». Для наступления революции, писал Ленин, необходимо, чтобы: 1) низы не хотели жить по-старому, 2) верхи не могли жить по-старому, 3) революционный класс был способен на массовые революционные действия, т.е. понимал их необходимость и был готов идти ради них на жертвы [Ленин 1948]. Приведенное определение очевидно (и не случайно) *ограничивает* «набор» причин революции политико-экономическими факторами (третье условие не выходит за границы мотивации, продиктованной недовольством определенной части населения (его «низов») существующим порядком и в этом смысле не является *достаточным*). Возможно, сам классик и не мыслил его в качестве такового, поскольку исходил из необходимости акцентировать политическую цель большевиков и тактические задачи партии. Если так, то к определению не может быть особых претензий. Но, если говорить о социально-философском толковании революционной ситуации, то на первый план выдвигается ее «ипостась» в качестве «точки бифуркации» исторического процесса, требующей *осознанного*

выбора из предлагаемых историей вариантов дальнейшего развития социума и набора средств, ограничивающих возможные проявления волюнтаризма при решении проблемы. И тогда названные три составляющие предполагают соотнесение их с культурно-духовным контекстом эпохи (особенностями национального самосознания, образовательным уровнем масс, преобладающими в обществе мировоззренческими идеями, идеями в сфере теоретического осмысления будущего страны и т.д.). Но с понятием «революционная ситуация» со временем случилось то, что не могло не случиться: в своей ленинской интерпретации оно вошло в социально-философское знание как методологическое основание для объяснения всех типов революций и стоящих за ними проектов социальных преобразований. Это фатально предопределило последующее игнорирование культурно-духовных смыслов идеи революции, а если говорить об Октябрьской революции, то *культурно-духовного контекста*, в котором развивалось российское демократическое движение до этого, ставшего для страны судьбоносным, события. Познавательная ситуация надолго сместилась в сторону анализа, очерченного рамками подхода: целью октябрьской революции было утверждение диктатуры пролетариата и построение социализма, это оправдывает *все* средства, послужившие ее достижению. А что средства служили именно этой цели не вызывало сомнений, как и тот факт, что определенный Октябрем 1917 г. исторический вектор развития страны стал социалистическим.

В какой мере культурно-духовный опыт российского демократического движения повлиял на характер и способы революционных преобразований, последовавших за «взятием» Зимнего Дворца «низами, не пожелавшими жить по-старому»? Н.А. Бердяев писал в «Вехах»: «Каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом; он вносит в революцию свои грехи и пороки, но также и свою способность к жертве и энтузиазму... Наши старые национальные болезни и грехи привели к революции и определили ее характер» [Вехи. Из глубины 1991, 250]. Мировой исторический опыт подтверждает истинность слов мыслителя и заставляет задуматься о содержании понятия «революционная ситуация», если его принять за исходную посылку анализа октябрьских событий. Очевидно, что оно не может быть ограничено политической составляющей, поскольку революционная ситуация всегда соотносится с исторически сложившимися формами национального самосознания, с культурно-образовательным уровнем народа и его ментальностью, с «духовным багажом» демократического движения, из которого «вырастает» субъект революции, в нашем случае – российская интеллигенция.

Духовный контекст, в котором формировалось отечественное демократическое движение второй половины XIX в., определяли

философские споры о природе исторического процесса, о критериях общественного прогресса и его гуманистических измерениях, об эволюции и революции, об экономическом росте России и модернизации как пути ее постепенного вхождения в капиталистический мир, об инерции исторически сложившихся российских форм хозяйствования, о развитии в стране гражданского общества и принципов правового государства. Отечественная философская мысль развивалась в лоне историософских идей Б.Н. Чичерина, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, П.С. Новгородцева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, П.Б. Струве. Исходной, методологической посылкой теоретических построений было признание, что *культурно-духовная жизнь общества и событийный ход истории являются взаимосвязанными факторами исторического процесса* в периоды как эволюционных, так и революционных общественных трансформаций. Учет этой взаимосвязи в практике политических, экономических и институциональных преобразований рассматривался как гарантия успешности последних («Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» П.Б. Струве, «Философия хозяйства» С.Н. Булгакова). Эта исследовательская установка создала проблемное поле, в котором обсуждалась *идея революции*. Обращение к последней выводило анализ на интерпретацию *смыслов* (цивилизационных, политических, культурных, нравственных) революционного вмешательства в историю и *сопряженности* их со свободой, социальной справедливостью, социальным прогрессом («Исторические письма» П.Л. Лаврова, «Наука и религия» Б.Н. Чичерина, «Краткий взгляд на русскую историю» К.Д. Кавелина, «Курс русской истории. Лекция 1» В.О. Ключевского, «Письма о правде и неправде» Н.К. Михайловского, «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Вл. Соловьева, «Проблемы идеализма» — сборник статей под ред. П.И. Новгородцева). Такой ракурс рассмотрения проблемы определил направленность теоретических изысканий и нравственных поисков отечественной философской мысли, нашедших выражение в sacramентальном вопросе Герцена: неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляют необходимость движения вперед?

Главной темой, обсуждение которой постепенно развело спорящих «по разные стороны баррикад», стала проблема *своевременности и способов* революционного вмешательства в историческое движение России по пути прогресса. Разногласия в споре определили разброс мировоззренческих принципов участников демократического движения (народники, анархисты, либералы, легальные марксисты) и противостояние политических сил, включившихся в подготовку будущей революции (кадеты, большевики, меньшевики, эсеры). Начало спора по времени совпало с реформами Александра II, в ходе которых надежды на быстрые перемены быстро сменились скепти-

цизмом, а отечественный опыт «европеизации страны» утратил ореол оптимизма [Новикова, Сиземская 2004, 94–102, 105–115]. Знаковым для последующего обсуждения темы стало «Письмо к издателю» К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, опубликованное в 1856 г. Герценом в «Голосах из России». Авторы писали: «Значение революций мы понимаем, мы знаем, что там, где господствует упорная охранительная система, не дающая места движению и развитию, там революция является, как неизбежное следствие такой политики. Это вечный закон всемирной истории. Но мы смотрим на это, как на печальную необходимость, как на грустную сторону человеческого развития и считаем счастливым народ, который умеет избежать насильственные перевороты» [Новикова, Сиземская 2004, 95]. Начавшемуся расколу внутри демократического движения немало способствовала политика чиновничьего аппарата и царского правительства по схеме «революция сверху». Последняя задала свою матрицу историческому движению страны, на долгое время определившую его специфические черты. Для России ими стали, как отмечает И.К. Пантин, превалирование геополитических соображений над потребностями социального и экономического развития и «выпадение» интересов страны из сферы самодетальности общества [Федорова (ред.) 2015, 137]. (Тип «европеизации», названный Герценом «петроградизмом».) Сложившаяся ситуация инициировала волну интереса к революции как к способу «подталкивания», ускорения исторического процесса в желаемом направлении, и к роли в нем фигуры революционера — «критически мыслящей личности». Утверждению этой позиции немало способствовали «Исторические письма» П.Л. Лаврова, ставшие, по оценке В.В. Зеньковского, Евангелием народнической молодежи. Одновременно, а может, по причине этого, распространение и влияние на общественное настроение получают идеи анархизма и нигилизма («Набат» П.Н. Ткачева, «Катехизис революционера» С.Г. Нечаева). Оправдание в политической борьбе насильственных мер, вплоть до террора, на какое-то время буквально заворачивает сознание сторонников революционного вмешательства в ход событий. Рождается уверенность в том, что, во-первых, дело революции может быть «выиграно» лишь профессиональными революционерами, а во-вторых, все, что революция поощряет — нравственно, а все, что ей препятствует — безнравственно. Обрастая теоретическими построениями укоренявшегося в интеллигентском сознании марксизма, эти идеи, как показали в своем исследовании Плимак и Пантин, образовали пласт *обыденного революционного сознания*, сыгравшего свою роль в будущей октябрьской революции [Плимак, Пантин 2000]. На этом фоне произошла быстрая поляризация ценностного и политического пространства, а неготовность и нежелание представителей разных теоретических тенденций понять друг друга деформировали

идеологию российского демократического движения: одна его часть «сделала ставку» на разрушительные силы плебейски-пролетарской массы, другая пошла на сближение с властью.

Особое место в этом «противостоянии» занял Герцен. Его предостережения о возможном перерождении идеи революции и пагубности культа анархистского «революционизма» и сегодня не утратили своей значимости. Обращаясь к своему старому товарищу М. Бакунину, он писал, что новый водворяющийся прядок, нанося удар старому миру, должен «оставить на свою судьбу все, не мешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощому художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании» [Герцен 1975, 330]. Насилие, предупреждал Герцен, неизбежно рождает новые формы насилия. Поэтому главный вопрос любой революции – это вопрос о введении революционных преобразований в цивилизованное русло на основе адекватной оценки исторической ситуации, спровоцировавшей «революционную ломку». «Сомнения нет, что акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия, но в *известных* пределах – их трудно установить и страшно переступать»; нельзя шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадает на дороге. При такой поспешности «подорванный порохом» старый мир, когда уляжется дым и расчистятся развалины, начнет восстанавливать себя. Ибо «он *внутри не кончен и потому... ни мир строящийся, ни новая организация* не настолько готовы, чтобы пополниться, осуществляясь» [Герцен 1975, 326–327]. Анализируя российскую пореформенную политическую и социально-экономическую ситуацию Герцен пришел к выводу, что ни одна основа, на которой держался государственный строй, жизнедеятельность российского общества «не настолько почата и расшатана», чтобы ее силой «исключить из жизни». И дело не только в неподготовленности социальных структур к революционным преобразованиям (модернизации, говоря современным языком), а и в *неготовности к ним «человеческого материала*»: нельзя освободить людей «в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри». Социально-политические преобразования адекватно «ложатся» только на подготовленное к ним сознание масс и претендующей на руководство общественной жизнью оппозиции. Герцен раньше всех «озвучил» этот закон революции, предупредив об опасности его игнорирования. «Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм – это русское самодержавие наобо-

рот» [Герцен 1975, 469]. Опасения Герцена, как мы теперь можем признать, во многом подтвердились и подтверждаются.

Как ограничить разнузданный разгул масс, как преодолеть вырвавшуюся из-под контроля разума страсть к разрушению, как новой власти избежать соблазнов революционного радикализма и ввести преобразования экономических и политических структур в конструктивное русло? На эти вопросы пытались найти ответ Н.Г. Чернышевский, К.Д. Кавелин, П.Л. Лавров, А.И. Герцен, П.Б. Струве, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, чуть позже авторы «Вех», давшие оценку революции 1905 г. через анализ сознания «кружковой» интеллигенции, субъекта будущей октябрьской революции (1). Сборник, вышедший в 1909 г., актуализировал вопросы об исторической необходимости и свободе, о революционном насилии и его роли в прогрессивном движении человечества. Веховцы выступили против тех, кто подменил тезис об объективности исторического процесса «пророчествами» о возможности построения социализма в стране, «перепрыгнув» через фазу капиталистического развития. Направленность спора определял философско-культурологический ракурс проблемы (2). Общей для авторов была идея, исключаящая волюнтаристическое вмешательство в ход истории, признание, что «*исторически данная* среда столь же мало устранима в данную эпоху со всеми своими влияниями, как предыдущие необходимости не устранимы никогда», что «самая высокая справедливость подчинена в своем проявлении и распространении этим ограничивающим условиям» [Новикова, Сиземская 2006, 228]. Суть проблемы виделась, как ее обозначил П.Б. Струве, говоря о поражении революции 1905 г., не в том, «как революцию делали», а в том, что «ее вообще *делали*... когда задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании» [Вехи 1991, 163]. И «делали» революцию неприемлемым и опасным способом — *революционным взвинчиванием рабочего класса*. В итоге, по оценке Бердяева, другого автора «Вех», идея революции разложилась и опошлится: свобода смешалась с произволом, справедливость с корыстью и мстительностью.

К началу XX в. полярность точек зрения на социальный смысл революции стала очевидной, а раскол демократического движения стал фактом политической жизни страны. Одни, идеализировав роль народа (а фактически его малочисленную пролетарскую массу), увидели в нем силу, способную на революционные действия, открывающие путь в «царство свободы и равенства», боясь «черни», заняли умеренно консервативную позицию, предупреждая о преждевременности таких действий. Верх в споре одержали первые. В итоге Октябрь 1917 г. был провозглашен началом социалистической революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Оценка событий 1917 г. была дана теми же авторами в сборнике «Из глубины. Сборник статей о русской революции» (1918), но он сразу попал под запрет и был изъят новой властью из обращения. Уцелел только один экземпляр издания, вывезенный Н.А. Бердяевым в 1922 г. за границу, по которому в 1967 г. был переиздан издательством УМСА-Press.

(2) Примечательно, что полемика авторов «Вех» с их оппонентами не поляризовала участников обсуждения темы по партийной принадлежности, критику в свой адрес они услышали и от кадетов («Интеллигенция в России», 1910), и от либералов («В защиту интеллигенции», 1909), и от эсеров («“Вехи” как знамение времени», 1910), и от большевиков («Из истории новейшей русской литературы», 1910).

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение. – М.: Наука, 1990.

Бляхер, Межуев, Павлов 2008 – *Бляхер Л.Е., Межуев Б.В., Павлов А.В.* Концепт «революция» в современном политическом проблемном дискурсе. – СПб.: Алетейя, 2008.

Вартумян, Ильинская, Федорова 2015 – *Вартумян А.А., Ильинская С.Г., Федорова М.М.* Революция как концепт и событие. – М.: ООО ЦИУМ и НЛ, 2015.

Вехи 1991 – Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991.

Герцен 1975 – *Герцен А.И.* Собр. соч. В 8 т. Т. 8. – М.: Правда, 1975.

Ленин 1948 – *Ленин В.И.* Крах II Интернационала // *Ленин В.И.* Сочинения. 4-е изд. Т. 21. – М.: Госиздат политической литературы, 1948. С. 181–232.

Новикова, Сиземская 2004 – *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Российские ритмы социальной истории. – М.: ИФРАН, 2004.

Новикова, Сиземская 2006 – *Русская историософия / сост., вступ. ст., комм. Л.И. Новиковой, И.Н. Сиземской.* – М.: РОССПЭН, 2006.

Плимак, Пантин 2000 – *Плимак Е.Г., Пантин И.К.* Драма российских реформ и революций. – М.: Весь мир, 2000.

Сиземская 2013 – *Сиземская И.Н.* А.И. Герцен о вариативности исторического процесса // *Философские исследования.* 2013. № 3. С. 229–262.

THE IDEA OF REVOLUTION
IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT
OF THE LATE 19th-EARLY 20th CENTURY

I.N. SIZEMSKAYA

Summary

The article raises the question of the spiritual component of the revolutionary situation that gave birth to October 1917, emphasizing the socio-philosophical interpretation of the idea of revolution. The author shows, that the latter puts her analysis at the forefront as the “point of bifurcation” of the historical process that places man in the situation of choosing the variant from the directions of social development proposed by history. Within the framework of such an approach, the analysis of the revolutionary situation assumes its correlation with the

cultural and spiritual context of the epoch (features of national self-awareness, the educational level of the masses prevailing in the world ideological ideas, etc.). In this regard, the author turns to the domestic philosophy of the history of the second half of the 19th-early 20th century, showing in what theoretical context she considered the issues of freedom, violence, revolutionary break-up, reform, voluntarism, revolutionary terror. The article shows the conjugation of the interpretation of these issues to the political orientation of the October uprising and the subsequent transformations in the system of power and the socioeconomic structure of Russian society. Separately, the author poses the question of the extent to which the cultural, spiritual and political experience of the Russian democratic movement influenced the character and methods of revolutionary changes. The author justifies the thesis that the latter adequately “lie” only on the consciousness of the masses prepared for them and the opposition that claims political leadership. She analyzes the situation, which shows that by the beginning of the 20th century the fact of the polarity of the existing points of view on the social meaning of the expected revolution and the split in the democratic movement was obvious.

Keywords: historical process, culture, revolution, freedom, violence, Russian democratic movement, liberalism, Bolshevism, masses, intelligentsia, revolutionary situation, voluntarism, revolutionary terror, «October 1917».

Sizemskaya, Irina – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

sizemskaya@mail.ru

Citation: *SIZEMSKAYA I.N.* (2017) The Idea of Revolution in the Russian Philosophical Thought of the Late 19th-Early 20th Century. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 8, pp. 7-18.

REFERENCES

Berdyayev N.A. (1990) *The Origin and Sense of Russian Communism*. Nauka, Moscow (in Russian).

Blyacher L., Mechyev B., Pavlov A. (2008) *Concept “Revolution” in Modern Political Problematic Discourse*. Aleteia, Saint Petersburg (in Russian).

Herzen A. (1975) *Collected Works*. 8 Volumes. Vol. 8. Pravda, Moscow (in Russian).

Milestones. From the Depth. Collection of Articles on the Russian Revolution. (1991) Moscow (in Russian).

Novikova L.I., Sizemskaya I.N. (eds.) (2004) *Russian Rhythms of Social History*. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).

Novikova L.I., Sizemskaya I.N. (2006) *Russian Historyosophy*. Russian Political Encyclopedia, Moscow (in Russian).

Plimak E.G., Pantin I.K. (2000) *The Drama of Russian Reforms and Revolutions*. Moscow (in Russian).

Sizemskaya I.N. (2013) A.I. Herzen on Variability of Historical Process. In: *Philosophical researchments*. 2013. Vol. 3, pp. 229-262 (in Russian).

Vartumyan A.A., Ilyinskaya S.G. Fedorova M.M. (2015) *Revolution as a Concept and Event*. Moscow (in Russian).